

Между эссенциализмом и многоидентичностью: Центральная Азия как часть Востока, Юга и мира¹

Томохико Уяма

Профессор Центра славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо

Адрес: Kita 9, Nishi 7, Kita-ku, Sapporo 060-0809 Japan

E-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

В данной статье автор размышляет над вопросами, поднятыми двумя учеными из Центральной Азии, Нари Шелекпаевым и Аминат Чокобаевой, в их комментариях к идее Мартина Мюллера о «Глобальном Востоке», а также над самой этой идеей. В Центральной Азии, как и в России, эссенциализм широко распространен, однако трудно назвать его «тактическим», как это делают Шелекпаев и Чокобаева. Они правильно считают «Глобальный Восток» политическим проектом, но его политический характер нужно понимать исходя из концепции «Глобального Юга» как эмансипаторного проекта против доминирования Севера и евроцентризма. Евроцентризм, проявляющийся даже в статье Мюллера, все еще влиятелен в академическом мире. Но сегодня, когда ужесточается соперничество между державами, в том числе и странами Юга и Востока, большим эмансипаторным стратегиям «Глобального Юга» или «Глобального Востока» трудно достичь успеха. Средним и малым странам приходится гибко реагировать на меняющиеся условия, сотрудничая одновременно с различными партнерами. В этом отношении многоидентичность Центральной Азии может принести ей пользу.

Ключевые слова: Глобальный Восток, Центральная Азия, эссенциализм, евроцентризм, эмансипаторный проект, соперничество между державами, многоидентичность

Тактический ли эссенциализм в Центральной Азии?

Статья Нари Шелекпаева и Аминат Чокобаевой «Восток внутри “Востока”?» содержит ряд замечаний о проблематичности идеи Мартина Мюллера о «Глобальном Востоке», особенно о ее неприменимости к Центральной Азии. Я во многом согласен с ними, особенно в том, что Центральная Азия находится в положении «двойной колониальности», и трудно примирить между собой национальные «эссенциализмы» стран предполагаемого «Глобального Востока» ввиду попыток вмешательства российских властей и исследователей в их исторические нарративы (Шелекпаев, Чокобаева, 2020: 85, 87).

Но мне непонятен их тезис о «тактическом эссенциализме». Единственный пример «тактики», который они приводят, — это публикация центральноазиатскими исследователями своих работ на местных языках, что позволяет избежать давления со стороны российских исследователей и дипломатов, которые, как правило, не владеют языками этих стран (Там же: 87). Однако известно, что в странах Центральной Азии широко практикуется поощрение и даже давление на людей, чтобы они использовали государственные (местные) языки. Например, в парламенте

1. Статья поступила в редакцию журнала 09.10.2021 года.

Кыргызстана постоянно критикуют чиновников, которые выступают на русском языке, хотя русский является официальным языком страны. По всей вероятности, они предпочитают использование государственного языка, потому что верят, что язык является основой национальной государственности, а не потому, что хотят скрывать содержание дискуссии от российских дипломатов. То, что мы наблюдаем во многих случаях, не является ли не «тактическим», а просто эссенциализмом?

Эссенциализм критикуется многими учеными, но он все еще не утратил своего влияния, особенно глубоко он укоренен в Центральной Азии. В 2018–2019 годах с целью создания общих академических платформ был осуществлен проект по изучению восстания 1916 года. В нем участвовали ученые из Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана, а я, Чокобаева и несколько западных ученых их консультировали. Все работали дружно, и в целом я доволен результатами. Но несмотря на транснациональный характер проекта, почти все его участники изучали восстание 1916 года в рамках истории своего народа или своей страны. Мы, консультанты, постоянно говорили о проблематичности понятия «национально-освободительное движение», так как повстанцы в большинстве случаев действовали на основе ненациональной (родоплеменной, местной или религиозной) общности, но некоторые наши коллеги так и не отказались от этого понятия.

Как отмечают Шелекпаев и Чокобаева (Там же: 85), понятие «национально-освободительное движение» было разработано советскими (и вообще марксистскими) учеными, и не чуждо и России. Хотя те российские ученые (в первую очередь Андрей Ганин) и политики, на которых ссылаются Шелекпаев и Чокобаева, не признают национально-освободительного характера восстания 1916 года, они также разделяют эссенциалистский подход, подчеркивая неизменно положительный характер деятельности русских и России. Дискурсивная структура нарративов обеих сторон, отстаивающих правоту своего народа, достаточно похожа друг на друга.

Более того, некоторые ученые в Центральной Азии легко соглашаются с российскими коллегами в том, что восстание подстрекалось «внешними силами»². Шелекпаев и Чокобаева правы: подобная теория заговора является отрицанием агентности восставших (Там же: 86), но некоторым людям приятнее освободить свой народ и русских от вины за кровопролитие, сваливая ее на внешние силы, чем подчеркнуть агентность местных. В исторической науке большинством ученых теории заговора не поддерживаются, но по текущим вопросам таким теориям верят довольно много людей. Так, на начальной стадии коронавирусной пандемии в Казахстане и Кыргызстане, так же как и в России, распространились слухи, что якобы вирус распыляют Билл Гейтс, Джордж Сорос и т. д. (см. например: Козачков, 2020). Вообще в Центральную Азию большинство сведений о событиях за рубежом передаются через Россию, так что довольно легко формируется общее с ней видение международных дел.

2. Самый яркий пример — Саламат Малабаев из Кыргызстана, который утверждает, что «События 1916 г. были своего рода “цветными революциями”, инспирированными в большей части извне» (Малабаев, 2016: 126).

Таким образом, эссенциализм распространяется и в Центральной Азии, и в России. В парадигмах колониальной истории и нациестроительства центральноазиатский и российский эссенциализмы не могут сосуществовать, но против «внешних сил» они могут объединиться. Означает ли это, что «стратегический эссенциализм», предложенный Мюллером, применим к отношениям между Центральной Азией и Россией? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим понятие «Глобальный Восток» у Мюллера.

«Глобальный Восток» — какой политический проект?

Как отмечают Шелекпаев и Чокобаева (2020: 88), в предложениях Мюллера содержится политическая программа. Но, насколько я понял, Мюллер отнюдь не агитирует за политическое объединение постсоциалистических стран. Поскольку понятие «Глобальный Восток» предлагается как третья категория после «Глобального Севера» и «Глобального Юга», а из последних двух ключевым понятием считается «Глобальный Юг», сначала разберемся, в каком смысле «Глобальный Юг» является политическим проектом.

Хотя термин «Глобальный Юг» появился еще в годы Холодной войны, он стал широко использоваться после ее окончания вместо «третий мир», который утратил свою актуальность вследствие исчезновения «второго мира». Понятие «третий мир» объективно указывало на страны, которые не входили ни в «первый», ни во «второй мир», но исследователи и активисты часто вкладывали в него политический смысл, основанный на теории зависимости — они утверждали, что западные страны избыточно развиваются за счет неразвитости стран третьего мира, — которая, в свою очередь, явилась прямым следствием интеграции этих стран в мировую капиталистическую систему. Руководители самих стран третьего мира, осознавая общую историю колониального господства и эксплуатации, пытались солидаризироваться на основе принципов, принятых на Бандунгской конференции 1955 года и продвигая Движение неприсоединения (Sajed, 2020).

Понятие «Глобальный Юг» унаследовало от «третьего мира» критический настрой относительно капиталистической эксплуатации, добавив еще критику неолиберализма. «Глобальный Юг» — не просто группа стран, а транснациональная общность угнетенных и, по выражению Мюллера, «плоть от плоти постколониального проекта по высвобождению речи субалтернов» (Мюллер, 2020: 20). «Глобальный Юг» не чисто территориальное понятие, оно предполагает существование угнетенных в северных странах («Юг на Севере») и сверхбогатых в южных странах («Север на Юге»), а также крупных узлов мировой экономической сети («глобальных городов») на Юге (Ballestrin, 2020). Так что внутренняя колонизация в странах Севера и быстрое развитие некоторых стран на Юге, отмеченные Шелекпаевым и Чокобаевой (2020: 72–73), нисколько не противоречат концепции «Глобального Юга».

Словом, политический характер проекта «Глобального Юга» заключается в стремлении к освобождению угнетенных, особенно в бывших колониях. Тогда в каком смысле «Глобальный Восток» является политическим проектом? За что он должен бороться? От чего он должен освободиться? Об этом Мюллер пишет мало. Сожалея, что «он [Восток] исключен из борьбы Юга за эмансипацию» (Мюллер, 2020: 25), он считает, что ключевое понятие «стратегический эссенциализм» представляет собой «политическую практику, способную мобилизовать разнообразные маргинальные группы, собрать их под общим знаменем эмансипаторного политического проекта» (Там же: 31), а «движение Юга к эмансипации может стать моделью для Востока в его политическом рывке к деколонизации производства знания и в попытке вернуться на карту» (Там же: 32). Здесь подразумевается, что, хотя Восток не является бывшей колонией Севера, он находится в колониальном положении в производстве знания. Но тогда почему Восток не может присоединиться к борьбе Юга за деколонизацию производства знания? В чем заключается «восточность» в эмансипаторном проекте?

И не менее важный вопрос: поскольку речь идет не просто о Востоке, а о «Глобальном» Востоке, «восточность» должна существовать глобально, а есть ли тогда «Восток на Севере» и «Восток на Юге»? Граненый стакан ИКЕА и другие примеры, которые Мюллер приводит для доказательства глобальности Востока, — это просто следствия международной торговли, миграции и культурных обменов. Они не связаны с глобальными задачами, подобными колониальности и угнетенности Глобального Юга и не могут служить субъектом или объектом эмансипаторного проекта.

Приходится констатировать, что «Глобальный Восток» — плохо доработанная концепция. Но в то же время следует серьезно считаться с озабоченностью Мюллера слабой представленностью постсоциалистического Востока в глобальном производстве знания. Однако здесь его подход также порождает много вопросов.

Евроцентризм и разобщенность академического мира

Как японский ученый, который занимается изучением Центральной Азии, я в двойном смысле хорошо понимаю озабоченность Мюллера о маргинализации «серых» регионов. Во-первых, как и везде, Центральная Азия — плохо узнаваемый в Японии регион, и специалистов по ней немного. Во-вторых, в мировом академическом сообществе Японию тоже могут считать «серой» страной. В Японии наука достаточно хорошо развита, и японские ученые прекрасно знакомы с достижениями западной науки, но мало кто из них приобретает известность на Западе, особенно в сфере гуманитарных и социальных наук. Это не только потому, что они в основном пишут на японском языке, но даже если они пишут и выступают на английском, их стили писания и манеры общения несколько отличаются от американских и европейских. Несмотря на более чем столетнюю историю нахождения

в ряду развитых стран мира, Япония все еще испытывает трудности в приобретении равного с западными странами положения в сфере науки.

Мюллер (2020: 35) поддерживает децентрирование Запада и «его претензии на производство универсального знания», но, как отмечают Шелекпаев и Чокобаева (2020: 78), нельзя не заметить скрытый евроцентризм в его взглядах: так, «Восток» остается «серым», потому что мировым (читай, западным) медиа и образовательным центрам он плохо знаком (Мюллер, 2020: 21, 23). Он высоко оценивает некоторых ученых с Юга за теоретические импульсы, которые их работы дали Северу (Там же: 31–32), но получается, что право Юга и Востока на производство знаний признает и оценивает их уровень не кто иной, как Север/Запад.

Разумеется, такой скрытый евроцентризм, или точнее — западоцентризм, есть не проявление личных предрассудков Мюллера, а отражение реального положения дел в академическом мире. Евроцентризм как идеология уже давно раскритикован и на Западе, но Запад не отказался от доминирующей позиции в производстве знания, и даже наоборот, усиливает ее, притягивая талантливых исследователей из незападных стран и распространяя свои критерии оценивания исследований по всему миру. В постсоветских странах к этой тенденции присоединяется неолиберализация образования и исследований, которая не только превратила эти страны в поле вмешательства и циркуляции идей и финансовых потоков (Шелекпаев, Чокобаева, 2020: 76), но и позволила оценивать по западным критериям работы исследователей и академических учреждений в этих странах как второстепенные. Примеров, подобных ученому из вымышленной страны Молвания, статья которого отвергается престижным журналом из-за «недостаточного количества ссылок на современные работы, логических нестыковок, а также стилистических погрешностей» (Там же: 76), очень много. В мировых университетских рейтингах, таких как ТНЕ и QS, университетам в постсоветских странах обычно дают невысокие оценки³. Неолиберализация также приводит к нестабильному финансированию и частой реорганизации образовательных и исследовательских учреждений, которые не просто ухудшают их оценки, а приводят к деградации условий самой научной работы (например, см.: Исабаева, 2021).

Распространение западных критериев оценивания не обязательно означает, что ученые на «Востоке» стали легко приобщаться к западной науке. Многие университеты и исследовательские институты прилагают усилия к улучшению количественных показателей, чтобы повысить свое место в рейтингах и получить гранты, но не всегда обращают должное внимание на освоение собственно достижений западной науки. Тех, кто постоянно читает новейшие работы западных ученых, мало, особенно в Центральной Азии. Многие западные теории, особенно конструктивистские, плохо приживаются в постсоветском пространстве. Гендер-

3. В большинстве рейтингов более или менее видное место занимает только Московский государственный университет — 174-е в ТНЕ 2021 и 78-е в QS 2022. Казахский национальный университет находится на 175-м месте в QS 2022, но ниже 1000-го в ТНЕ 2021.

ные исследования популярны в определенных кругах, но отвергаются другими. Правда, есть исследователи, которые учились и активно публикуются на Западе, но им часто трудно вести диалог с чисто местными учеными и оказывать на них влияние.

Подобные затруднения в качественном расширении влияния западной науки объясняются не только тем, что английский язык не стал *lingua franca* (Мюллер, 2020: 28), но и тем, что в каждой стране есть своя академическая иерархия, и авторитетные ученые и их ученики часто не желают переориентировать свои подходы к исследованиям. Особенно гуманитарным наукам трудно преодолеть языковые, культурные и идеологические барьеры. Достаточно вспомнить, что в последние годы китайцы заняли передовые места в области высоких технологий, но в гуманитарных науках они далеки от лидирующих позиций.

В общем, в научном мире происходит примерно такое же разделение, какое предполагают теоретики Глобального Севера/Юга: глобализация быстро распространяет формально единые правила и критерии, но не уравнивает и гомогенизирует мир, а воспроизводит различия между «передовыми», «средними» («серыми») и «отсталыми» странами. При этом в «средних» и «отсталых» странах есть собственные правила и ценностные установки, и потому они остаются разобщенными. Каким образом они могут освободить себя и занять более заметные места в мире? Может ли идея о «Глобальном Востоке» помочь, особенно странам Центральной Азии?

Эмансипаторные проекты в эпоху соперничества великих держав

Чтобы рассуждать о перспективности идеи о «Глобальном Востоке», необходимо понять, что ее вдохновитель — проект «Глобальный Юг» — является продуктом той эпохи, когда многим казалось, что образуется единый миропорядок под властью глобального капитализма, опекаемого единственным гегемоном, США. Такое видение мира позволяло вообразить сопротивление глобальной власти широких слоев угнетенных, имеющих разные характеры, интересы и ценности, но объединенных единой целью освобождения, в виде «Глобального Юга» или «множества» по термину Антонио Негри и Майкла Хардта (Hardt, Negri, 2004).

Но в последние двадцать лет мир изменился. Глобализация привела не к образованию единого порядка, а к ужесточению соперничества между державами. Интересы «северных» стран часто не совпадают друг с другом, что привело к такому явлению, как Брексит (выход Великобритании из Европейского союза). Между «южными» державами, такими как Китай и Индия, также возникают конфликты. Сотрудничество Юг-Юг, которое никогда не было беспроблемным, еще больше усложняется. Не получается возродить традиции Бандунгской конференции и Движения неприсоединения. Китай, который раньше иногда рассматривался как потенциальный лидер «Глобального Юга», стал слишком амбициозен, и вряд ли можно считать его эмансипатором угнетенных.

В этом отношении весьма показательным является изменение взгляда на Китай у Ариффа Дирлика, известного критика колониализма и глобального капитализма. В статье, опубликованной в 2007 году, он положительно оценил китайскую модель развития, которая «добилась значительных успехов в глобальной экономике, причем без ущерба для национальной самостоятельности и целей», и считал, что «Пекин может стать новым центром притяжения третьего мира или Глобального Юга», поскольку «век революционных социалистических поисков самостоятельности, подкрепленный недавними экономическими успехами, позволяет КНР в высшей степени обеспечить лидерство в формировании альтернативного глобального порядка» (Dirlik, 2007: 17–20). Через десять лет Дирлик, перечисляя такие негативные аспекты политики и экономики Китая, как разрушение окружающей среды, подавление прав и свобод граждан, создание одного из самых неравноправных обществ в современном мире, колониальная оккупация земель меньшинств, имперская воинственность и ирредентистские претензии, пишет, что «в отличие от времен холодной войны, претензии лидеров КНР к существующему мировому порядку оправдываются не предложением альтернативы капитализму или даже альтернативной идеологии. То, что они предлагают как способ убеждения, это просто и совершенно неприкрыто — “деньги”» (Dirlik, 2017: 534, 538–539).

На постсоциалистическом пространстве сотрудничество между странами складывается неудовлетворительно. Отношения между Россией и странами к западу от нее или плохие, или нестабильные. Между Россией и странами Центральной Азии отношения довольно тесные и стабильные за счет экономической уязвимости последних, но часто наблюдается несоответствие интересов, а также взглядов на историю (как подробно излагают Шелекпаев и Чокобаева). Отношения между самими странами Центральной Азии улучшились после смены президента Узбекистана в 2016 году, но все еще остается много проблем, в том числе пограничные, которые, например, привели к вооруженным столкновениям между Таджикистаном и Кыргызстаном в 2021 году. Более того, внутри стран региона расширяется экономическое неравенство, политические руководства стран не в полной мере представляют интересы широких слоев населения, а альтернативные неправительственные структуры слабы. Даже в Кыргызстане, где массовые протесты неоднократно приводили к свержению президентов, новые лидеры вновь сосредоточивали власть в руках своих и узкого круга своего окружения.

Что делать странам Центральной Азии и их населению? Очевидно, что «собрать их под общим знаменем эмансипаторного политического проекта» (Мюллер, 2020: 31) не получится. Нужна более сложная, многоаспектная стратегия. Хотя Центральная Азия во многих отношениях считается маргинальным регионом, она — часть множества макрорегионов: постсоветского пространства, Азии, мусульманского мира, тюркского мира (за исключением Таджикистана) и т. д. Это обстоятельство полезно учитывать для расширения разнообразия стратегий.

В частности, Центральная Азия может позиционировать себя и как часть «Юга», и как часть «Востока». По уровню социально-экономического развития

она, несомненно, принадлежит к «Югу». Мюллер (Там же: 21) прав, что некоторые ученые (по незнанию) не включают страны Центральной Азии в «Глобальный Юг», но международные организации и правительства развитых стран относятся к ним как к развивающимся странам, предоставляют им различные льготы в финансировании, технической помощи и научно-образовательных связях. По состоянию на 2021 год, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан включены в список получателей официальной помощи в целях развития, составленный Комитетом содействия развитию ОЭСР, в качестве стран с доходами ниже среднего, а Казахстан и Туркменистан — с доходами выше среднего⁴. Все пять государств также входят в группу развивающихся стран, не имеющих выхода к морю (под эгидой ООН). Сотрудничество между развивающимися странами на правительственном и неправительственном уровнях не всегда успешно или заметно, но оно необходимо для того, чтобы «Север» больше слышал голоса «Юга», и потому странам Центральной Азии стоит еще более активно включиться в него.

Центральная Азия является частью «Востока» во множестве значений. Как азиатские страны, они привлекают немалое внимание стран Восточной Азии. Как часть мусульманского Востока, они имеют хорошие отношения со странами Среднего Востока. И как часть в прошлом страны — лидера Восточного блока в Холодной войне — СССР, они сохраняют тесные отношения с Россией и другими постсоветскими странами. Конечно, наследие СССР и отношения с Россией носят неоднозначный характер, но все равно соседство с большой страной со схожими социально-политическими системами и умение большого числа граждан использовать русский язык помогают этим странам не замыкаться в себе. Как уже выяснилось в дискуссии между Мюллером, Шелекпаевым и Чокобаевой, научные работы на русском языке уступают работам на английском по международной цитируемости, но все равно они могут приобрести большую международную читательскую аудиторию, чем работы на национальных языках⁵. Также стоит отметить, что многие люди в Центральной Азии и России разделяют общее чувство своего отличия от Запада. Образ злого «коллективного Запада» в постсоветском пространстве искажен и часто используется для оправдания авторитаризма, шовинизма и гендерной дискриминации, но все-таки важно дать внешним акторам понять их чувство отличия от Запада, согласно которому не стоит им навязывать неуместные стандарты или рецепты разрешения проблем.

Разумеется, отношения с «Севером/Западом» тоже имеют огромное позитивное значение для Центральной Азии. Освоение западных теорий и подходов полезно и для повышения уровня науки, и для лучшего понимания и разрешения соци-

4. См. веб-сайт ОЭСР: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/daclist.htm> (дата доступа: 09.08.2021)

5. Я отнюдь не намерен принижать значение национальных языков. Как историк Центральной Азии конца XIX — начала XX в., я выступаю за необходимость изучать арабграфические источники на местных языках и больше читать работы центральноазиатских ученых на национальных языках. Но этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

альных проблем в регионе. В коммуникации ученых Запада и Центральной Азии существует немало элементов несправедливости, таких как эксплуатация и игнорирование местных знаний и мнений (Ким, 2019; Султаналиева, 2019). Но чтобы в мире больше слышали голоса представителей Центральной Азии и росло число понимающих несправедливость людей, не обойтись без более глубокого участия в академической жизни Запада.

В то же время стоит подчеркнуть и значение научно-культурных обменов между незападными странами. Доминирование Запада в науке и культуре серьезное, но не абсолютное. Такие страны, как Япония и Южная Корея, порой играют для центральноазиатских ученых роль связующего звена с Западом. В сфере популярной культуры западные страны иногда предоставляют площадку для начала восхождения на мировую сцену: К-поп сначала стал популярным в соседних странах Кореи и лишь потом приобрел всемирную известность, а казахский певец Димаш Кудайберген стал мировой звездой после своих успехов в Китае.

Ныне обостряющееся соперничество между державами может бросить тень на все эти международные связи, так как некоторые хотят построить сферы своего влияния и мешать другим развивать собственные отношения с другими государствами. Но даже такое соперничество может давать средним и малым странам возможность получать выгоду. Для государств Центральной Азии политика лавирования является исторически привычной, хотя нельзя игнорировать риск, что в долгосрочной перспективе оно может повредить их независимости (Уама, 2018).

Всякого рода разделение, будь то Север-Юг или Запад-Восток, — условное. Особенно в сегодняшнем непредсказуемом мире, где не существует ни однополярного, ни биполярного порядка, большая освободительная стратегия под «общим знаменем» не складывается. Здесь более уместны гибкие тактики реагирования на меняющиеся условия, сотрудничество с различными партнерами, которые приведут если не к полному освобождению, то по крайней мере к улучшению своего положения. В этом отношении многоидентичность может дать преимущества Центральной Азии. Хотя невозможно полностью исключить эссенциализм из идентичности людей, в основе многостороннего сотрудничества должно лежать осознание, что Центральная Азия является не частью одного макрорегиона, а в конечном счете частью мира.

Литература

- Исабаева С. (2021). Ученые: казахстанская наука скорее мертва, чем жива. URL: <https://qmonitor.kz/politics/1114> (дата доступа: 09.08.2021).
- Ким Е. (2019). Если «поле» — твой институциональный дом: академическое вымогательство и жалоба как форма политического действия. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/when-the-field-is-your-institution-on-academic-extortion-and-complaining-as-activism-ru/> (дата доступа: 09.08.2021).

- Козачков М. (2020). Звездапокалипсис. URL: <https://time.kz/articles/nu/2020/07/10/zvezdoapokalipsis> (дата доступа: 09.08.2021).
- Малабаев С. К. (2016). Роль внешних сил в эскалации трагических событий 1916 г. в Кыргызстане // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии) / Т. В. Котюкова (ред.). Сборник докладов Международной научно-практической конференции, г. Москва, 18 сентября 2015 г. М.: [б.и.] С. 119–126.
- Мюллер М. (2020). Разыскивая Глобальный Восток: мышление между Севером и Югом / Пер. с англ. Д. Безуглова // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 19–43.
- Султаналиева С. (2019). Каково быть объектами изучения? Центральноазиатская перспектива. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/kakovo-byt-obyektami-izucheniya/> (дата доступа: 09.08.2021).
- Шелекпаев Н., Чокобаева А. (2020). Восток внутри «Востока»? Центральная Азия между «стратегическим эссенциализмом» глобальных символов и тактическим эссенциализмом национальных нарративов // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 70–101.
- Ballestrin L. (2020). The Global South as a Political Project. URL: <https://www.e-ir.info/2020/07/03/the-global-south-as-a-political-project/> (дата доступа: 09.08.2021).
- Dirlik A. (2007). Global South: Predicament and Promise // The Global South. Vol. 1. No. 1. P. 12–23.
- Dirlik A. (2017). The Rise of China and the End of the World as We Know It // American Quarterly. Vol. 69. No. 3. P. 533–540.
- Hardt M., Negri A. (2004). Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: Penguin Press.
- Sajed A. (2020). From the Third World to the Global South. URL: <https://www.e-ir.info/2020/07/27/from-the-third-world-to-the-global-south/> (дата доступа: 09.08.2021).
- Uyama T. (2018). Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia // Uyama T. (ed.). Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center. P. 99–118.

Between Essentialism and Multiple Identities: Central Asia as Part of the East, South and the World

Tomohiko Uyama

Professor, Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University

Address: Kita 9, Nishi 7, Kita-ku, Sapporo 060-0809 Japan

E-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

In this article, the author reflects on the issues raised by two Central Asian scholars, Nari Shelekpayev and Aminat Chokobaeva, in their comments on Martin Müller's idea of the "Global East", as well as on this idea itself. In Central Asia, as well as in Russia, essentialism is widespread;

it is difficult to call it “tactical,” as Shelekpayev and Chokobaeva do. They correctly consider the “Global East” to be a political project, but its political nature must be understood based on the concept of the “Global South” as an emancipatory project against the domination of the North and Eurocentrism. Eurocentrism, as manifested even in Müller’s article, is still strong in the academic world. However, in today’s world, where the rivalry is getting fiercer between the great powers, including the powers of the South and the East, it is difficult for the emancipatory strategies of the Global South or Global East to succeed. Small countries and middle powers need the tact to respond flexibly to changing conditions and working with different partners. In this respect, Central Asia’s multiple identities can be beneficial to it.

Keywords: Global East, Central Asia, essentialism, Eurocentrism, emancipatory project, great power competition, multiple identities, tactics

References

- Ballestrin L. (2020) *The Global South as a Political Project*. Available at: <https://www.e-ir.info/2020/07/03/the-global-south-as-a-political-project/> (accessed 9 August 2021).
- Dirlik A. (2007) Global South: Predicament and Promise. *The Global South*, vol. 1, no 1, pp. 12–23.
- Dirlik A. (2017) The Rise of China and the End of the World as We Know It. *American Quarterly*, vol. 69, no 3, pp. 533–540.
- Hardt M., Negri A. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, New York: Penguin Press.
- Isabaeva S. (2021) Uchenye: kazhstanskaja nauka skoree mertva, chem zhiva [Scholars: Kazakhstanian science is more likely dead than alive]. Available at: <https://qmonitor.kz/politics/1114> (accessed 9 August 2021).
- Kim E. (2019) When “the Field” is Your Institution: On Academic Extortion and Complaining as Activism. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/when-the-field-is-your-institution-on-academic-extortion-and-complaining-as-activism/> (accessed 9 August 2021).
- Kozachkov M. (2020) Zvezdoapokalipsis [Star Apocalypse]. Available at: <https://time.kz/articles/nu/2020/07/10/zvezdoapokalipsis> (accessed 9 August 2021).
- Malabaev S. K. (2016) Rol’ vneshnih sil v jeskalacii tragicheskikh sobytij 1916 g. v Kyrgyzstane [The Role of External Forces in the Escalation of the Tragic Events of 1916 in Kyrgyzstan]. *Civilizacionno-kul’turnye aspekty vzaimootnoshenij Rossii i narodov Central’noj Azii v nachale XX stoletija (1916 god: uroki obshhej tragedii). Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii g. Moskva, 18 sentjabrja 2015 g.* [Civilizational and Cultural Aspects of Mutual Relations between Russia and the Peoples of Central Asia in the Early 20th Century (1916: Lessons of a Common Tragedy). Collection of Reports of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, September 18, 2015] (ed. T.V. Kotjukova), Moscow, pp. 119–126.
- Müller M. (2020) Razyskivaja Global’nyj Vostok: myshlenie mezhdru Severom i Jugom [In Search of the Global East: Thinking Between North and South]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 19–43.
- Sajed A. (2020) From the Third World to the Global South. Available at: <https://www.e-ir.info/2020/07/27/from-the-third-world-to-the-global-south/> (accessed 9 August 2021).
- Shelekpayev N., Chokobaeva A. (2020) Vostok vnutri “Vostoka”? Central’naja Azija mezhdru “strategicheskim jessencializmom” global’nyh simvolov i takticheskim jessencializmom nacional’nyh narrativov [An East within “the East”? Central Asia between the “Strategic Essentialism” of Global Symbols and a “Tactical Essentialism” of National Narratives]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 70–101.
- Sultanalieva S. (2019) How Does It Feel to Be Studied? A Central Asian Perspective. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/how-does-it-feel-be-studied-central-asian-perspective/> (accessed 9 August 2021).
- Uyama T. (2018) Invitation, Adaptation, and Resistance to Empires: Cases of Central Asia. *Comparing Modern Empires: Imperial Rule and Decolonization in the Changing World Order* (ed. T. Uyama), Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, pp. 99–118.